

Е.М. Масленникова (Тверь)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ПОИСК ПОДТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ

Коммуникативная заданность текста направлена на взаимодействие читателя и автора. Читатель «является динамической составляющей языковой коммуникации, он вживается в текст, который декодирует, и вместе с автором осуществляет процесс языкового творчества (при чтении он заново ‘переживает’ этот процесс, чем по существу повторяет его генезис)», «адресат всегда ‘подсказывает’ адресанту нужное слово, то есть вместе с ним создает высказывание» [12: 155]. При выявлении смысла значительная роль отводится подтексту. Смысл текста зависит «от экстралингвистических условий коммуникации, от тезауруса коммуникантов, от их фоновых знаний» и «соотносится с той внутренней моделью мира, которая создается в сознании человека» [14: 86].

Понимание включает в себя «обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удастся освоить посредством привычных действий смыслового восприятия» [3: 6–7]. Понимание как «восприятие смысла» [1: 21] в динамике нацелено на активную реконструкцию авторского замысла как понимание смысла текста [11]. Оно опирается на когнитивный репертуар индивида / a subject's cognitive repertoire [16]. На процесс понимания (художественного) текста в значительной мере кроме установок самого читателя влияют:

- этнокультурные стереотипы;
- межъязыковые оценки коммуникации;
- межъязыковые оценки коммуникативной ситуации;
- культурно-коммуникативные экспектации;
- прошлый опыт участников коммуникации, который задает ожидание и прогнозирует вероятность появления новой информации;
- образовательный уровень как часть прошлого опыта;
- существующие стереотипы и предрассудки;
- личностное отношение к сообщаемому или предпочтения, организующие выборочный характер восприятия;
- время и место текстовой коммуникации.

Ожидания читателя о тексте часто основываются на его знании и на имеющейся информации. При восприятии подтекста «ведущим моментом ... являются информативные потребности получателя. Однако поиск скрытого смысла действительно может быть обусловлен аномалией в самом сообщении, тем более что подтекст такого рода обычно является преднамеренным и, следовательно, скорее всего актуальным для адресата/реципиента» [6: 42].

Интерпретация имеет своей целью максимальное извлечение информации из текста, эксплицитного содержания (значения), имплицитного содержания

(подтекста), актуального смысла, ситуативно и субъективно обусловленного, а прежде всего глобального (интергрального) содержания как совокупности значения и потенциального подтекста [7]. Как пишет В.З. Демьянков, «установление явных и скрытых намерений как раз и отличает интерпретацию от основных видов обращения со знаками» [5: 27]. В лингводидактическом аспекте цель интерпретации заключается в самопознании и самоизменении читающего [4]. Объектом интерпретации признается то, что «принято называть прагматическим значением высказывания» [2: 356].

Приращение текстовых смыслов обеспечивается наличием у текста таких категорий, как контекст, подтекст и затекст. Внетекстовой (широкий, вертикальный, экстралингвистический и т.д.) контекст образует коммуникативную среду текста или культурологическое пространство текста [9]. Текст в качестве лингвокультурологического маркера языковой личности и национальной ментальности его автора получает внутреннюю направленность на самого себя и / или на другие тексты и внешнюю направленность - к миру. Коммуникативное пространство текста и культурное пространство читателя вступают между собой в отношения:

- взаимодополнительности;
- отождествления;
- объединения;
- противопоставления;
- взаимоисключения.

У. Эко [15] рассматривает интертекстуальные отсылки как средство создания интертекстуальной иронии, имеющей риторико-семиотическую основу. По его мнению, интертекстуальные отсылки задают четыре уровня прочтения текста, а именно: буквальное прочтение, моральное прочтение, аллегорическое прочтение и аналогическое прочтение. В этом отношении перед переводчиком встает проблема передачи голосов текста. Таким образом, с одной стороны, идет поиск подтекстовых смыслов, заложенных в текст его автором, и подбор, с другой стороны, соответствующих вариантов перевода. Сохранение / несохранение интертекстуальной иронии и средств ее создания становится одним из факторов, обеспечивающих вхождение получаемого текста перевода в культурный оборот внутри системы принимающей культуры. Близость двух культур как их нахождение внутри общей семиосферы определяет степень социокультурной адаптации и / или аккультурации в случае межкультурных контактах. Так, шекспировские образы становятся этнокультурными стереотипами или штампами, а аллюзивные имена получают ассоциативную нагрузку как символы-заместители определенных качеств. Образы становятся «масками», углубляющими проекцию внутритекстовых отношений: *Ромео* и *Джульетта* → несовершеннолетние влюбленные (с трагической судьбой), *Дездемона* → жертва ревности, *Отелло* → ревнивец и т.д.

Это необходимо. Потому что жизнь продолжается. В среду мы похоронили двух артистов спектакля “Норд-Ост” - Арсения Куриленко и Кристину

Курбатову. Ромео и Джульетту. Им по 13 лет. Хотя бы ради их памяти мюзикл должен жить. (КП 5.11.02); Не успели современные Ромео и Джульетты обрадоваться тому, что Дума разрешила им жениться с 14 лет, как нововведение встретило резкий отпор Совета Федерации. (КП 14.11.02); «Граната для Дездемоны» (заголовок; КП 18.10.02); Вот и думайте сами, не была ли мама Отелло какой-нибудь наркоманкой? (КП 12.10.02); Ревнивец “Отелло” поставил смертельную ловушку на бывшую жену и ее нового мужа. Но на “лимонке” подорвался и погиб посторонний человек, ставший жертвой чужих страстей... (КП 18.10.02)

Отсылки к Шекспиру и именам собственным героев из его произведений, превратившихся в имена нарицательные, преобразуют текстовый мир.

Мудрец мучительный Шакспеар, Ни одному не верил ты обману - Макбету, Гамлету и Калибану. Во мне зажег ты яростный пожар, И я живу, как встарь король Леар. Лукавых дочерей моих, Регану И Гонерилью, наделять я стану, Корделии отвергнув верный дар. В мое труду послушливое тело Толпу твоих героев я вовлек, И обманусь, доверчивый Отелло, И побледнею, мстительный Шейлок, И буду ждать последнего удара, Склонясь над вымыслом Шакеспеара. Ф. Соллогуб (1913)

Заклятый дух на отмели времен, Среди маленьких, среди непрозорливых, На уводящих удержался срывах, От страшных ведьм принявших гордый сан. Гламисский тан, могучий вождь племен, Кавдорский тан - в змеиных переливах Своей мечты - лишился снов счастливых И дьявольским был сглазом ослеплен. Но потому, что мир тебе был тесен, Ты сгромоздил такую гряду тел, Что о тебе Эвонский лебедь спел Звучнейшую из лебединых песен. Он, кто сердце изведал глубь и цвет, Тебя в веках нам передал, Макбет. К.Д. Бальмонт. На отмели времен (1917)

«Встраиваемость» и ориентация читателя относительно языка и культуры происходит через текст. К сожалению, игра автора оригинала с подтекстом и затекстом не всегда опознается и воспринимается переводчиком не столько в силу собственно языковых особенностей переводимого текста, сколько по причине «культурологической глухоты» (см. о данном явлении подробнее в [10]).

На совпадение / несовпадение интерпретаций одного и того же текста влияет «различие между точкой зрения современников автора, в которую входит учет литературного и общественного фона и точкой зрения “потомства”, имеющего право об этом фоне ничего не знать» [8: 153]. Контекстуальные сдвиги значений, имеющие место при переводе, изменяют направленность ассоциативных связей. Не обращая внимания на то, что выражение *good form* имеет значение «хорошие манеры», развитие и поддержание которых было одно из основных целей частных закрытых школ / *public school*, переводчица книги Дж. Барри «Питер Пэн» И. Токмакова максимально упрощает текст, опуская почти одну страницу рассуждений героя, в которых раскрываются предрассудки его класса. Также из книги исчезли эпизоды, связанные с культурологическим фоном, и социально-оценочные коннотации, осознаваемые носителями языка.

It was because he was so terribly alone. this inscrutable man never felt more alone than when surrounded by his dogs. They were sociably so inferior to

Он был в общем-то очень одиноким человеком. Пираты, верные собаки, не были его друзьями. Крюк

him. Hook was not his true name. To reveal who he really was would even at this date set the country in a blaze; but as those who read between the lines must have guessed; he had been at a famous public school; and its traditions still clung to him like garments, with which indeed they are largely concerned. Thus it was offensive to him even now to board a ship in the same dress in which he grappled her; and he still adhered in his walk to the school's distinguished slouch. But above all he retained the passion for good form. J. Barry. Peter Pan. Ch. XIV

Смещение эмоционально-смысловой доминанты текста приводит в итоге к несохранению специфики когнитивно-эмоциональной сферы исходного текста. Выходом из положения может стать дополнительная расшифровка контекста со стороны переводчика.

She's the daughter of an English peer who dates back to the time of the Conqueror. A. Christie. The Secret of Chimneys. Ch. XXIX

было его прозвище, а не настоящее имя. Он был из хорошей семьи и окончил когда-то привилегированную школу. Кое-что из ее традиций все еще оставались в нем. И в особенности забота о том, чтобы быть всегда в хорошей форме. (Перевод И. Токмаковой)

Она дочь английского пэра, род которого восходит ко временам Вильгельма Завоевателя. (Перевод А. Ганько)

Для английской литературы XIX века является характерным мотив молодого человека с неискоренимыми пороками, но происходящего из хорошей семьи.

In person he was cadaverous and blackavized, and his hair was dressed in long curls, which at a little distance looked like black candles, and gave a singularly threatening expressing to his handsome countenance. His eyes were of the blue of the forget-me-not, and of profound melancholy, save when he was plunging his hook into you, at which time two red spots appeared in them and lit them up horribly. In manner, something of the grand seigneur still clung to him... He was never more sinister than when he was most polite, which is probably the truest test of breeding; and the elegance of his diction, even when he was swearing, no less than the distinction of his demeanour, showed him one of a different caste from his crew.. a man of indomitable courage, it was said of him that the only thing he shied at was the sight of his own blood, which was thick and of an unusual colour. In dress he somewhat aped the attire associated with the name of Charles II, having heard it said in some earlier period of his career that he bore a strange resemblance to the ill-fated Stuarts... J. Barry. Peter Pan. Ch. V.

Приводимый ниже перевод служит хорошим примером успешного «забывания» переводчиком культурного фона оригинала.

Кожа капитана мертвенно-бледна, черные волосы, завитые в локоны, спадают на плечи, глаза его незабудкового цвета. Все это вместе производит ужасающее впечатление. (Перевод И. Токмаковой)

«Культурологическая глухота» проявляется в неспособности переводчика как первичного читателя текста оригинала «овладеть» коммуникативным пространством текста. Например, переводчики не видят, что за *Humpty-Dumpty* скрывается *Шалтай-Болтай*, герой английского детского стишка, знакомый русскоязычному читателю по переводу С.М. Маршака, а вся ситуация отсылает англоязычного читателя к «Алисе в Зазеркалье» Л. Кэрролла.

Итак, вернемся, как говорил кто-то, кажется, Хампти-Дампти, к предпоследней теме. Н. Марш. Ария с жемчугом. (Пер. Т. Бердниковой и М. Тюнькиной)

По мнению У. Эко [15], подобная игра с текстовыми отсылками представляет собой интерсемиотический перевод, когда текст превращается в своего рода «коллаж». При этом воссоздание переводной цитаты и включение ее в новый контекст внутри получаемого текста перевода может изменить смысл исходного текста. Взаимная цитируемость текстов внутри мирового культурного семиозиса позволяет, как его называет У. Эко, искушенному читателю выйти на соответствующие референции.

Для воссоздания подобных интертекстуальных отсылок в случае явного или скрытого цитирования переводчику было бы естественно обратиться к имеющимся переводам текста–источника соответствующей отсылки.

Впрочем, мы слишком далеко зашли в нашей беседе. Давай вернемся к предпоследнему замечанию. Глава VI. Шалтай-Болтай. (Пер. Н. Демуровой)

Если читатель улавливает соответствующие отсылки, то становится возможным «двойное» прочтение текста.

After a dotcom bubble was reduced to soap scum, cynics took to calling its epicenter “Death Valley”. Venture capitalists switched from free-spending Medicis to Scroodge McDucks (2000: \$21 billion invested. 2001: \$6 billion). (Newsweek 25.03.02); If the ex-spook harbors any deep-seated reservations about The System That Fidel Built, he doesn’t voice them. (Newsweek 3.06.02); It is like Brobdingang without the giants. Four times the area of France, and source of a fifth of the world’s nickel and two-fifth of its platinum, Russia’s entire Krasnoyarsk krai, or region, has only about as many inhabitants as Boston - and despite their land’s vast natural wealth, they are as poor as church mice. (Economist 7-13.09.02)

Часто коммуникативные ошибки и неудачи оказываются связанными не только со стереотипами поведения, социальными ролями и формами этикета в системах двух культур, но и с культурологическими лакунами.

К сожалению, многие переводчики часто путаются в культурологической информации, заложенной в тексте оригинала.

Он поднял с полу «Спортивный иллюстрированный». Стайн Р.Л. Тихая ночь. (Перевод И. Владимировой); ... и присоединился к Руди, который уже сменил «Национальную географию» на иллюстрированные «Спортивные новости». Стайн Р.Л. Клуб любителей ужасов. (Перевод О. Победимовой); На спине ее спортивной куртки было написано белыми буквами слово «Тигры». Стайн Р.Л. Клуб любителей ужасов. (Перевод О. Победимовой)

Подобные коммуникативные неудачи, возникающие при переводе, вызваны часто не столько вербализацией текста оригинала со стороны его автора, сколько пониманием / непониманием оригинала со стороны переводчика, что приводит в

However, this conversation is going on a little too fast: let’s go back to the last remark but one. L. Carroll. Through the Looking-glass. Ch. VI. Humpty-Dumpty

Однако наша беседа подвигается немного слишком быстро. Вернемся-ка, вернемся-ка. Что ты там два раза тому назад говорила? Глава шестая. Пустик-Дутик (Пер. А. Щербакова)

результате к неточной вербализации получаемого текста перевода (например, к ошибкам на уровне словарных значений).

Потому что только подлинный артист владеет секретами анатомии ужасного или физиологии страха. Лавкрафт Х.П. Тени катакомб.; ... она еще пообещала разыграть - совершенно безобидно - этого накрахмаленного министра-баптиста Уильяма Роуза. Кинг С. Нужные вещи. (Перевод А.В. Аракелова); *Не было никакого честного кулачного боя, никаких правил маркиза Куинсберри; противные стороны сразу старались выдавить глаза и вырвать ноздри.* Кинг С. Нужные вещи. (Перевод А.В. Аракелова)

Тексты также отражают систему правил, которыми руководствуются члены социума при создании этнических и институциональных портретов и автопортретов (термины Ю.А. Сорокина [13]). Так, политика современных англоязычных СМИ, стремящихся к использованию политически корректных выражений, привела к возникновению понятия «cultural cleansing».

When people want to insult British business culture, they call it "Anglo-Saxon," by which they mean "almost as greedy as the Americans." (Newsweek 3.12.01); *I'm probably the least American American they could find.* (Newsweek 9.04.01); *Some Arab-American soldiers can't help but feel conflicted.* (Newsweek 15.10.01); *A diligent Korean-American adolescent took notes.* (Newsweek 30.04.01); *But Hanssen worked for the Soviets and then for the Russians for more than 15 years.* (Newsweek 5.03.01)

Знание подобных правил является важной составляющей социального поведения и условием успешного взаимодействия внутри определенного социума. В качестве психологических детерминант межэтнических отношений выступают процессы идентификации и дистанцирования в рамках оппозиции МЫ ↔ ОНИ как СВОЕ ↔ ЧУЖОЕ. Данные процессы приводят к установлению интергруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности. В художественных текстах также используются ставшие или становящиеся привычными правила интерпретации и процедуры интерпретирования. Портреты, представленные обычно в художественных текстах, включают те регулирующие оценку «другого» параметры, в которых, как правило, присутствует много негатива. В романе А. Кристи «Тайна Замка Чимниз» крупного финансиста из Сити по фамилии *Icaacstein* титулованные аристократы называют фальмиллярно-пренебрежительно *fat Iky / толстый Айку* (Ch. XXI). Писательница так описывает своего героя:

He was dressed in very correct English shooting clothes which nevertheless sat strangely upon him. He had a fat yellow face, and black eyes, so impenetrable as those of a cobra. There was a generous curve to the big nose and power in the square lines of the vast jaw. А. Christie. The Secret of Chimneys. Ch. XIV

Его настоящий английский охотничий костюм выглядел в этом обстановке несколько неуместно. У него было толстое смуглое лицо с непроницаемыми, как у кобра, черными глазами, большой орлиный нос и квадратный тяжелый подбородок. (Пер. А. Ганько)

В переводах обычно большая часть негатива, связанная с явлениями интергруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности, а также с национальными характеристиками, снимается.

Mrs. De Vries was a widow. She was a short

Долли де Фриз была вдова. Эта низенькая,

stout woman with a fine Jewish nose and fine Jewish eyes... W.S. Maugham. Theatre. Ch. 8

тучная, несколько мужеподобная женщина, с красивым орлиным носом, красивыми темными глазами... (Перевод Г. Островской)

Неспособность «овладеть» коммуникативным пространством текста является результатом «культурологической глухоты» читателя. Принятие / непринятие текста помогает читателю самоопределиваться в мире текста и системе текстовых смыслов, где он выделяет текст–для–себя и смысл–для–себя. Диалог «читатель ↔ текст» предполагает их сотворчество, когда читатель изменяет свое видение мира и самоопределяется относительно него, а текст получает новые смыслы, образующие непрерывно меняющийся и растущий семантико-смысловый континуум текста. Внутри универсума как пространства культуры тексты опосредуются друг другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов Г.А. Текст и мир гуманитарии. Проблемы методологии анализа // Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. – С. 5–35.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. – 87 с.
4. Васильева В.В. Интерпретация текста в образовании. – Пермь: ЗУУНЦ, 1997. – 34 с.
5. Демьянков В.З. Интерпретация человеческая и интерпретация машинная: сравнительный анализ // Перевод и автоматическая обработка текста. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 13–29.
6. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. № 6. – С. 37–47.
7. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
8. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Труды по знаковым системам. VII. – Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 365. – С. 143–167.
9. Масленникова Е.М. Культурологическое пространство текста // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Мат. XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва: ИЯ РАН, 2003. – С. 162–163.
10. Масленникова Е.М. Постижение межкультурных различий через текстовую коммуникацию // Межкультурная коммуникация и перевод: Мат. V межвуз. науч. конф. – М.: МОСУ, 2006. – С. 242–247.
11. Овчинникова И.Г. О феномене цельности текста // Фатическое поле языка. – Пермь: Перм. ун-т, 1998. – С. 90–100.
12. Сабол Я. Теория коммуникации и изучение литературного словацкого языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1987. – Вып. 20. – С. 150–157.
13. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология (Теоретические и экспериментальные фрагменты). – Самара: «Русский лицей», 1994. – 94 с.
14. Тураева З.Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
15. Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 574 с.
16. Gelder B. de. «I know what you mean but if only I understand you ...» // Meaning and Understanding. – Berlin; New York: de Gruyter, 1981. – P. 44–60.